

Пушкиниана Николая Раевского

Вышедший в прошлом году двухтомник избранных сочинений пушкиноведа Николая Раевского стал уже библиографической редкостью, хотя он увеличил до полутора миллионов тираж наиболее популярного его труда «Портреты заговорили» (выдержавшего за последние 10 лет шесть изданий).

Книги Раевского публикуются в основном издательством «Жазушы» в столице Казахстана Алма-Ате, где писатель живет и работает 25 лет. Сочинения Раевского выходят и в других советских республиках, а также в Чехословакии. Успех им обеспечили находки автора в биографии великого русского поэта.

«В жизни Пушкина малозначительного нет, — утверждал Раевский в предисловии к книге «Портреты заговорили». — Мелкая подробность позволяет порой по-новому понять и оценить всем известный стих или строчку пушкинской прозы... Дорогой всем нам вечный образ становится еще ближе, когда мы вплотную подходим к поэту и пытливо глядяемся в его человеческие черты».

— Я «заболел» Пушкиным внешне, в «тяжелой форме» в 1928 году, в ночь, когда прочитал два тома его писем, переведенных на чешский язык, — вспоминает писатель. — Это было в Праге, где я учился на естественном факультете Карлова университета. В Чехословакии я защитил диссертацию на степень доктора естественных наук. Но после «встречи» с Пушкиным занятия биологией постепенно стали отодвигаться.

Вскоре я убедился, что в Праге сосредоточено уникальное собрание пушкиноведческой литературы на русском и иностранных языках. Будучи сыном России, я не мог остаться равнодушным к такому богатству. Я начал исследования, разыски архивов, завязывал зна-

Николай Раевский.

Фото Ю. КУДИНА.

комства с потомками поэта и их друзьями. Поиски привели меня в словацкий замок Бродяны, принадлежавший в свое время сестре жены Пушкина Александрины Гончаровой. Мне довелось увидеться здесь с ее правнуком, который показал семейную иконографию — портреты родственников и друзей пушкинских времен. Как портреты попали в замок, в каких взаимоотношениях с поэтом находились изображенные на них люди, сохранилась ли переписка с ним? На соби́рание материалов ушли десятилетия. Первые итоги я подвел уже после возвращения на Родину, поселившись в Алма-Ате.

Здесь в 1965 году вышла моя книга «Если заговорят портреты», а девять лет спустя — более обширное и уточненное исследование «Портреты заговорили». Затем написал о друге Пушкина Павле Нащокине.

— Какие новые документы, относящиеся к биографии поэта, вы

используете в своих произведениях?

— Я нашел неизвестное прежде письмо Пушкина к графине Долли Фикельмон, внучке фельдмаршала Михаила Кутузова, ставшей супругой австрийского посланника Шарля-Луи Фикельмона. Поэт высказывает ей симпатии. Впервые опубликовал также выдержки из писем царя Александра I к Долли и к ее матери Елизавете Хитрово, запись из дневника графини о дуэли и смерти Пушкина.

Эти и другие свидетельства позволили мне написать несколько глав о семье и петербургском салоне Фикельмонов, в котором Пушкин был своим человеком. Высокая интеллектуальная атмосфера, царившая в их обществе, расширяет наши представления о духовном мире поэта.

Эти материалы Н. Раевский получил благодаря сотрудничеству с зарубежными пушкинистами — Сильвией Островской из Чехословакии, Ниной Каухчишвили из Италии и другими, предоставившими ему их фотокопии на французском, чешском, словацком, немецком, итальянском языках. Владея всеми этими языками, писатель перевел документы и познакомил с ними миллионы читателей в СССР.

— Вы без робкого стука прикасаетесь к интимной сфере четырех Пушкиных, к жизни его своеячени. Не нарушается ли при этом авторская этика?

— Я считаю такое прикосновение морально оправданным: оно помогло очистить репутацию жены Пушкина Натали от многолетней патины сплетен, порожденных думью и гибелью поэта. Это было необходимо и для доказательств того, что Пушкин не был слеп в выборе невесты. Жизнеописание его убийцы Дантеса тоже служит, на мой взгляд, более верному пониманию обстановки в доме Пушкиных.

— Какие еще сюрпризы ждут читателей в вашей пушкиниане?

— Больше половины из своих 90 лет я посвятил изучению весьма важного фактора в жизни и творчестве Пушкина — его точки зрения на войну, армию, его представлений о том, что переживает человек на войне. В молодости в одном из популярных русских журналов я прочитал статью авторитетного генерала, профессора, который впервые назвал Пушкина военным писателем. Впоследствии, просматривая огромную пушкиноведческую литературу на разных языках, я убедился, что исследователи лишь вскользь затронули этот вопрос.

Меня он заинтересовал опять-таки сквозь призму биографии поэта, ибо каждая строка в «Путешествии в Арзрум во время похода 1829 года», в «Полтаве» и других произведениях рождалась благодаря тому, что их автор тщательно изучал исторические факты, биографии выдающихся деятелей. Эти исследования помогают глубже понять патриотизм, благородство Пушкина, проявившиеся, например, в его восприятии личностей Петра Первого, Кутузова, Наполеона. Обо всем этом я рассказываю в новой книге «Жизнь за Отечество». Сейчас заканчиваю работу над последними тремя главами.

По опубликованным фрагментам можно судить о подвижничестве пушкиноведа Раевского. Он прочитал десятки томов из военной библиотеки поэта, вслед за ним проштудировал в оригинале труды Вольтера об эпохе Карла XII и Петра Первого, документы о Полтавской битве и сотни других источников. Писатель проехал по пушкинскому маршруту в Арзрум. И все это, как говорит автор, «ради документально обоснованного повествования»...

Ревмира ВОШЕНКО.

Алма-Ата.